

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1-311.2:27-46

РОМАН Н. С. ЛЕСКОВА «СОБОРЯНЕ»: КОММУНИКАТИВНЫЕ РЕАКЦИИ НА СЛОВО ПРОПОВЕДНИКА КАК МАРКЕР ДУХОВНОГО КРИЗИСА ОБЩЕСТВА

Ю. В. Белоусова

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

В статье подвергается анализу система коммуникативных реакций прихожан на проповедническое слово соборного протоиерея Савелия Туберозова – центрального персонажа романа Н. С. Лескова «Соборяне», что позволяет выявить расхождения в светском и религиозном понимании некоторых аспектов морали.

Ключевые слова: *гомилетика, Н. С. Лесков, роман «Соборяне», субъективное шкалирование, реакция, антонимия, формализм, духовный кризис общества.*

Смысловое ядро термина *проповедничество* – «церковное учительство» (см.: [8]). Славянский корень *вед-* указывает на ведение, знание, в данном случае – знание спасительных истин христианской веры. Задача церковной проповеди состоит в том, чтобы дать слушателям понимание главного смысла жизни, усвоив который, можно свободно избрать христианскую систему жизненных ценностей [11, с. 23–29]. Как свидетельствует Православная энциклопедия, дело проповедничества, согласно принятой в духовных учебных заведениях гомилетической системе протоиерея Александра Ветелева, состоит из трех слагаемых: проповедника, создающего проповедь, самой проповеди и паствы, воспринимающей слова проповедника [Там же, с. 39].

Цель данной статьи – опираясь на традиции исследования **языковой личности** персонажа художественной прозы XIX века (см., например: [5]), в том числе ее **религиозной составляющей** [6], выделяя ключевые **семантические доминанты** художественного произведения [4], рассмотреть, каким образом православная гомилетическая традиция преломляется в проповедническом слове соборного протоиерея Савелия Туберозова – центрального персонажа романа Н. С. Лескова «Соборяне», какие коммуникативные реакции у различных категорий прихожан и у церковноначалия вызывает и, наконец, каким образом эти реакции могут интерпретироваться как маркеры духовного кризиса российского общества того времени.

Первая проповедь

Первая проповедь – проба гомилетического пера Туберозова, она открывает не только записи в «демикотоновой книге» (личном дневнике, «календаре») протопопа, но и его служение в целом. Тема проповеди – притча о сыновьях виноградаря, содержащаяся в Евангелии от Матфея (Мф. 21: 28–32): на просьбу пойти работать в винограднике один сын ответил отказом, но, раскаявшись, пошел, а другой согласился, но не пошел.

Цель проповеди – донесение смысла текста-источника (в данном случае Священного Писания) до сознания прихожан. Такая передача смысла представляет

собой необходимую адаптацию сакрального текста к возможностям человеческого разума. Приближая слушателей к пониманию глубинного смысла, заложенного в притче, Туберозов расширяет исходный евангельский текст, проводя аналогию с близкими и понятными прихожанам реалиями: «Свел сие к благим действиям и благим намерениям, позволяя себе некоторые намеки на служащих, присягающих и о присяге своей небрегающих, давая сим тонкие намеки чиновначалиям и властям» [9, с. 29–30].

Поскольку отец Савелий в своих записях дает **субъективную оценку** собственного личного впечатления от существа реакции прихожан и церковноначалия на свое слово, представляется возможным применение некоторых положений психолингвистического метода субъективного шкалирования (семантического дифференциала) [3, с. 59], но не в целях экспериментальной психолингвистики, а в качестве лингвокогнитивной опоры для интерпретации оценки Туберозовым полученных коммуникативных результатов.

Основной вопрос: как сам проповедник относится к реакциям прихожан и церковноначалия на слово проповеди? Полюса биполярной градуальной шкалы задаем антонимичными понятиями «позитивно» – «негативно» (рис. 1).

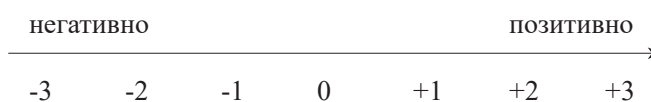

Рис. 1

Церковноначалием проповедь была принята положительно, однако в восприятии Туберозова ее приятие – трехуровневое, с постепенным понижением степени одобрения (курсив в последующих цитатах наш. – Ю.Б.):

«Владыка *одобрили* сию мою пробу пера».

«Однако же впоследствии его преосвященство призвал меня к себе и, *одобря* мое слово *вообще*, в частности же указал, дабы в проповедях прямого отношения к жизни делать опасался, особливо же насчет чиновников, ибо от них-де чем дальше, тем и освященнее».

«Но за прошлое сказание не укорял и даже *как бы одобрил*» [9, с. 30].

Первому уровню соответствует оценка «+ 3», что отражает полное одобрение; второму уровню – «+ 2»: одобрение с указанием на недостатки; третьему – «+ 1», то есть одобрение снисходительное, с учетом молодости и недостатка опыта проповедника. Как видим, уровень удовлетворенности высказанными оценками находится в правой, позитивной части половине шкалы, но заметим, что, понижаясь, он стремится к «нулю» – нейтральной оценке со значением «и то, и другое» или «ни то, ни другое», это впечатление усиливает и сравнительная частица *как бы (как бы одобрил)*.

Рассмотрим, чем вызвана такая реакция. Камнем преткновения в пробной проповеди Савелия Туберозова стали два момента: а) прямое отношение к жизни, б) указание на возможные недостатки в службе чиновников. Иными словами, в представлении консисторского начальства между проповедью (а значит, и религией вообще) и жизнью лежит пропасть. То есть в проповеди нет места жизни, моментам, связанным с окружающей действительностью, а в жизни, соответственно, нет места проповеди как поучению, наставлению. Именно поэтому, с точки зрения церковно-

начала, оказываются столь неуместны «тонкие намеки чиновачалиям и властям» [Там же]. В тексте притчи и в ее толковании протопопом заложена бинарная семантическая оппозиция «*действие – намерение*», в рамках которой полюс *действие*, в отличие от *намерения*, имеет больший вес, поскольку приводит к продуктивному результату: отказавшись на словах, один из сыновей виноградаря совершает поступок – исполняет волю отца. В отношении чиновников работает полюс *намерение*: пренебрегают присягой, не совершая благих *действий*. По сути, проповедь Туберозова – указание на *бездействие* власть имущих, что в ментальном комплексе «Православие» [7, с. 78] трактуется как отрицательный глубинно-семантический компонент. Неприятие прихожанами этого порицания говорит о наличии в обществе двойных стандартах морали. Нравственные истины, провозглашенные в проповеди протопопа вслед за проповедью евангельской, оказываются неприменимы к чиновникам, что и фиксирует Туберозов в интерпретации существа полученного от церковноначалия поучения: «...от них-де чем дальше, тем и освященное».

Вторая проповедь

Второй проповеди предшествовала трогательная семейная сцена – сообщение супруги отца Савелия Натальи Николаевны о возможной беременности. Сильное эмоциональное возбуждение (бездетность – одна из тревог Туберозова) не могло не сказаться на общем тоне проповеди. На смену плавной, с негромкой учительствующей нотой речи приходит стремительная эмоциональная импровизация с указанием на живой пример.

Условно текст проповеди можно разделить на три части (микротемы).

1. Необходимость самосовершенствования. Семантической доминантой этой части является антонимическая пара *металл – глина*, которая метафорически фиксирует два типа людей. Оба материала обладают пластичностью, но если первый – *крепкий и ковкий* – под внешним воздействием только закаляется, изменяет форму, но остается собой, то второй *плющится*, сохраняя *отпечаток последней ноги, которая на нее наступила*. Задача человека, по мысли проповедника, развивать в себе способность к *ковкости*.

2. Миссия человека. Ключевой здесь становится антонимия *внешнее – внутреннее*. Мысля старика Пизонского примером *человека ковкаго*, Туберозов в контраст его *внешней убогости* говорит о его *внутренней силе*, позволяющей заботиться о детях: «...не только сам не погиб, но и величайшее из дел человеческих сделал, спасая и воспитывая неоперенных птенцов» [9, с. 36].

3. Осознание своей малости. Заключительная часть проповеди произносится под воздействием еще более сильных чувств и переживаний, чем те, что ей предшествовали: «...я ощутил как бы некую священную острую боль и задыхание по тому случаю, что смутил его похвалой» [Там же, с. 37], – поэтому протопоп говорит о личных переживаниях. Доминантным в этой части нам видится самоопределение отца Савелия – *гроб повапленный*. Это высшая степень осознания тленности, грешности и *малости* человеческого существа, живущего без исполнения необходимой миссии – милосердной заботы о детях, своих и чужих. Увидеть свое несовершенство – шаг к обретению истинного, внутреннего зрения; духовный переворот, возвышающий человека, приближающий его к Богу (см., например, интерпретацию этого явления применительно к феномену «внутреннего зрения»: [10, с. 110]).

Проповедь – жанр относительно свободный, предоставляющий проповеднику возможность выбора содержания и способов общения с верующими. Туберозов-проповедник, сторонник *живого* слова, имеющего прямое отношение к жизни,

«увлекся некоею импровизацией и указал народу на стоявшего у дверей Пизонского», иллюстрируя связь высшего смысла «в необходимости всегдашнего себя преобразования» [9, с. 36] с воплощением его на земле – в мировоззрении, жизненной позиции и поведении человека. Тем самым у различных категорий коммуникантов – непосредственных и опосредованных адресатов проповеди он вызвал неоднозначные коммуникативные реакции, а именно: 1) слезы; 2) ощущение Божьей благодати; 3) неудовольствие, результировавшее в обиду, запрос из консистории и последующую жесткую цензуру.

В систему коммуникативных реакций с самого начала включен и сам проповедник: «Выговорив это, я сам почувствовал мои ресницы омоченными и увидел, что и многие из слушателей стали отирать глаза свои»; «богомольцы мои нечто из сего вняли, и на мою руку, когда я ее подавал при отпуске, пала не одна слеза» [Там же, с. 36, 37]. То есть слушатели прочувствовали сказанное в проповеди и прореагировали так же, как и говорящий. Но *важнейшим* для отца Савелия стало семейное счастье – проявление безмерной любви и нежности супруги, – полученное в награду за искреннее слово: «Он [Господь. – Ю.Б.] открыл мне днесь всю истинную цену сокровища [жены. – Ю.Б.], которым, по безмерным щедротам его, я владею, и велел мне еще преобразиться в наидовольнейшего судьбою своею человека» [Там же, с. 37]. На наш взгляд, очевидно, что первые две реакции, по субъективной оценке Туберозова, принадлежат правой, позитивной части шкалы (рис. 1) и имеют оценки «+ 2» и «+ 3» соответственно.

Неудовольствие проповедью постепенно охватывает довольно широкую аудиторию, непосредственную (прихожан) и опосредованную – от представителей светской интеллигенции до консисторского начальства, у старгородской интеллигенции, в противоречии с ожидавшейся благодатной реакцией, рождает «парадокс активного неприятия искреннего проповеднического слова отца Савелия» [2, с. 46].

Обида некоторых богомольцев, в частности, почтмейстерши Тимоновой, была вызвана намеком на Пизонского: «Богомольцы мои, конечно не все, а некоторые, конечно, и впереди всех почтмейстерша Тимонова, обиделись, что я унизил их намеком на Пизонского» [9, с. 43]. Чем объясняется этот удар по самолюбию? Пизонский – полуничий одинокий старик, который волею случая воспитывает ребенка некой дурочки Насти, родившей у него на грядах и утопившейся. Это обстоятельство не прибавило ему веса в обществе, и он остался на его периферии, всеми забытый. Поэтому упоминание о нем как о примере для подражания для успешной и уважаемой окружающими почтмейстерши по меньшей мере оскорбительно.

Но что такое «Пизонский» для Туберозова? Для отца Савелия старый Пизонский – воплощение милосердия: «Боже мой, боже мой! этот старик садил на долю вора и за него молился! Это, может быть, гражданскою критикой не очищается, но это ужасно трогает. О моя мягкосердечная Русь, как ты прекрасна!» [Там же, с. 36]. Внимание Туберозова сосредоточено не столько на факте, что старик взял на воспитание младенца, о чем все забыли, сколько на не Книжной молитве за вора, голодного и сирого. Красота этого милосердия и *мягкосердия* в том, что человек готов отдать не то, чего у него в избытке, а то, что и ему необходимо, но, по его мнению, другой в этом нуждается больше. В отличие от почтмейстерши, которая видит лишь внешнюю оболочку Пизонского, протопоп проникает его благородную, милосердную душу. Именно поэтому точка зрения почтмейстерши и, соответственно, ее обида видятся Туберозову вздором: «Но все это вздор умов пустых и вздорных» [Там же, с. 43], – что, в логике нашей шкалы, соответствует оценке «– 1», как факт неприятный, но особого значения для отца Савелия не имеющий.

Поводом для **консисторского запроса** послужило *указание на живое лицо* в проповеди. Прямое отношение к жизни слова проповедника вновь вызывает недовольство: «Из консистории получен запрос: действительно ли я говорил импровизацией проповедь с указанием на живое лицо? Ах, сколь у нас везде всего живого бояться!» [Там же]. Антиномия «жизнь – проповедь», имевшая место и в случае с первой проповедью, приобретает здесь иное звучание. Если в проповеди «всего живого бояться», то, значит, приветствуют ее умерщвление, на пьедестал возносится не *живое слово*, а *мертвое* – бездушное, риторическое; внешне красивое, но лишенное внутренней силы. Таким образом, у бинарной оппозиции «жизнь – проповедь» появляется третий компонент – *смерть*, а именно: смерть проповеди как поучения, наставления, поскольку «одно холодное, рассудочное усвоение пастырем проповедуемого им учения никогда не принесет желаемых плодов» [11, с. 28].

Вовлечение консистории переводит назревающий конфликт из религиозно-нравственной плоскости в социальную, светскую, где отношения регулируются вертикалью власти. Здесь Туберозов чувствует свою зависимость подчиненного: «Думаю, не повесят же меня за это и головы не снимут, но рот замкнуть могут, а между тем против воли смутно и спокойствие улетело» [9, с. 43]. Одолевающее протопоба беспокойство принадлежит негативной части используемой нами шкалы и занимает срединное положение, соответствуя оценке «– 2»; это смутное ощущение надвигающейся бури.

Указание на насильственное пресечение инициативы системой наказаний (*рот замкнуть могут*) приводит к вычленению в семантике ментальной категории «Православие» сегмента «Формализм» [7, с. 78], компонентом которого является *цензура*. Насаждение **цензуры** – еще одно проявление недовольства второй проповедью отца Савелия. Туберозов спешно вызван для объяснений, затем последовали 36 дней ожидания, – эти факты можно интерпретировать как попытку морального давления на протопоба. Финальным ударом становится приказание «все, что вперед пожелаю сказать, присылать предварительно цензору Троидию» [9, с. 43].

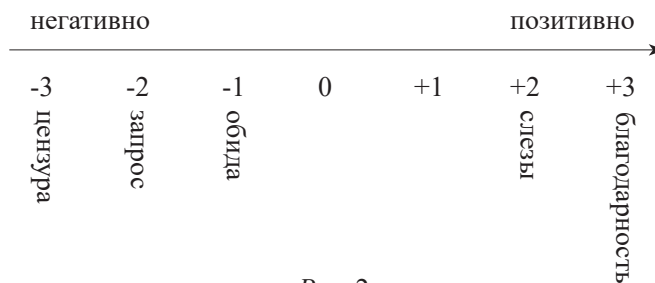

Рис. 2.

В записях Туберозова (в заочной полемике о цензуре) сегмент «формализм» находит языковую реализацию в том числе в противопоставлении «ум – чувство». «Ум» эксплицируется посредством словосочетаний *холодность бесстрастная, риторическое упражнение*; «чувство» – *священное беспокойство, живая речь*. Такие доминантные языковые единицы фиксируют, что православного священника вынуждают формально относиться к своему служению. И если глупость людскую Туберозов считает вздором, то железные тиски формализма вызывают бурный протест: «Нет, я против сего бунтлив, и лучше сомкните вы, мои нельстивые уста, и смолкни ты, мое бесхитрое слово, но я из-под неволи не проповедник» [Там же,

с. 44]. Таким образом, внешний по отношению к протопопу мир отвергает любые проявления чувства, отстаивая формальное приличие, формальную риторику, которую сам Туберозов не приемлет.

Эмоциональный бунт отца Савелия против внешнего давления находится на отрицательном полюсе градуальной шкалы и соответствует оценке «– 3». Как следует из данных рис. 2, на противоположной части шкалы в той же позиции, но со знаком «плюс» усматривается счастье, даруемое божественным промыслом. Таким образом, *божья благодать* становится контекстуальным антонимом *цензуры*, что разводит на разные полюса власть небесную, поощряющую искренность, и власть земную, опутанную формализмом и системой условностей.

Третья проповедь

Третья проповедь – финальная в служении и в жизни протопопы – оказалась своеобразным завещанием пастве, которое мы читаем буквально «из-под руки» Туберозова. Он произносит ее, созвав всех чиновников города. Формальный повод – попытка ворона спастись от грозы в ветвях дуба, где он нашел свою погибель, – спроецированный на собственную жизнь, подтолкнул Савелия Туберозова открыто вступить в борьбу и словом, «как уголь горящий» [Там же, с. 43], выжечь торговлю совестью и «наемничью молитву» в храме.

На наш взгляд, основные нравственные недуги прихожан, подвергающиеся осуждению в заключительной проповеди, можно охарактеризовать следующим образом: 1) несовершенство человека, его *малость* (безмерное умствование, недостаточность сведений о душе, непонимание природы человека, кривосудство о поступках), превозносимая в ранг достоинства; 2) как следствие первого, формальное отношение к молитве и вере: «...все эти молитвенники слуги лукавые и ленивые и молитва их не молитва, а наипаче есть торговля, торговля во храме...» [Там же, с. 232], – что является угрозой для благоденствия *мягкосердечной Руси*.

Поучение Туберозова, как отмечают исследователи, – это «слово-поступок, наполненный энергией духовного действия» [2, с. 47]. Отец Савелий, зная, какой будет расплата за живое слово, сознательно отрекается от спокойствия плотского существования: «Не хлопочи: жизнь уже кончена; теперь начинается “житие”» [6, с. 235]. «Бытийную плоть» [2, с. 47] обрело слово протопопы, и с момента произнесения уже оно становится главным героем. Именно против слова, а не самого Туберозова, восстает старгородское общество, ср.: «Старгородская интеллигенция находила, что это не проповедь, а революция, и что если протопоп пойдет говорить в таком духе, то чиновным людям скоро будет неловко даже выходить на улицу. Даже самые друзья и приятели Савелия строго обвиняли его в неосторожном возбуждении страстей черни. На этом возбуждении друзья его сошлись с его врагами, и в одно общим хором гласили: нет, этого терпеть нельзя!» [9, с. 233].

Негативные коммуникативные реакции на проповедническое слово Туберозова захлестнули как «светскую», так и церковную части общества. Существование этих реакций на проповедь целесообразно усматривать в следующих семантических доминантах:

- интеллигенция → ‘революция’;
- друзья и приятели → ‘возбуждение страстей черни’;
- друзья и враги → ‘этого терпеть нельзя’;
- консистерия → ‘отстранение от служения’.

Корни этого единения, думается, произрастают из страха, рожденного угрозой целостности общества, сложившимся к тому моменту устоям, базирующимся на строгой иерархии. С первой проповеди Туберозов словом пытался преодолеть не-

совершенства действующей власти, воспитывая чувства и волю слушателей. Общее возбуждение, охватившее Старгород, – это боязнь раскола общества, бунта черни, которая уважает Туберозова, плачет вместе с ним и верит ему. Пример тому – попытка расправы над Данилкой, высказавшимся против протопопа:

«И Данилка объяснил, что ему чуть не смертью грозят за то, что он против протопопа просьбу подал, и в доказательство указал на свое мокрое и растерзанное рублище, доложив, что его сию минуту народ с моста в реку сбросил.

– Превосходно!.. Бунт! – радостно воскликнул Термосесов и, надев посреди комнаты фуражку, заметил своему начальнику: – Видите, как делают дела!» [Там же, с. 233–234].

Духовное сословие также напугано призывами к обновлению. Против отца Савелия, по оценке исследователей, и «принцип рецепции» сложившейся традиции, характерный для православной церкви, «с четко выстроенной иерархией и полным подчинением вышестоящим». Проповедническое «прозрение» протопопа не способно ничего изменить, поскольку нарушает целостность церкви, и трактуется как бунт [1, с. 82–83].

Есть и другая позиция: «Исключение из общего хора составляли заезжие: Борноволок и Термосесов. Они хотя слышали проповедь, но ничего не сказали и не надулись» [9, с. 233]. «Заезжие» связаны со Старгородом службой, случаем, поэтому не воспринимают слова протопопа как относящиеся лично к ним, смотрят на ситуацию со стороны и даже сверху вниз – как присланное инспектировать начальство.

В отличие от двух предыдущих, заключительную опальную проповедь Туберозов не комментирует и не оценивает реакции на нее, он остается немногословен до последнего вздоха. В логике нашей шкалы (рис. 1) такое отношение следует интерпретировать как «нуль». Однако это не то срединное положение, которое интерпретируется как «ни то, ни другое», а как остановка маятника, своеобразная остановка сознания: все, что хотел, отец Савелий сказал в своей проповеди. Остается только услышать его.

Н. К. Никольский в энциклопедической статье «Гомилетика» указывает на утрату церковного мировоззрения образованной частью русского общества второй половины XIX века, констатирует развитие антицерковных тенденций: «Церковь будет иметь дело не с пороками отдельных лиц, а с правилами, с нормами жизни целых слоев, воспитанных смолоду в этих правилах, иногда совсем антицерковных и нехристианских» [11 с. 38]. Савелий Туберозов выступил против этих правил и норм жизни – бездействия, душевной лености и глухоты, насильственного пресечения инициативы, иерархичности и повсеместного формализма, – окончив свою чистую, духовно образцовую жизнь не напрасно: пусть лишь для грядущих поколений читателей...

Список литературы

1. Бячкова В. А. Образ священнослужителей в романах «Барчестерского цикла» Э. Треллопа и «Соборьянах» Н. С. Лескова // *Филология и культура*. 2013. № 2 (32). С. 80–84.
2. Волков В. В. Роман Н. С. Лескова «Соборьяне» как отображение и прообраз информационно-психологической войны // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 9-2 (59). С. 35–37.
3. Волков В. В. *Филология в системе современного гуманитарного знания: учеб. пособие* / Тверской гос. ун-т. Тверь: Изд. Кондратьев А. Н., 2013. 220 с.

4. Волков В. В., Волкова Н. В. Семантическая доминанта и семантическое поле как опорные единицы анализа художественного произведения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 279–283.
5. Гладиллина И. В. Языковая личность автора и персонажа (на материале повести А. П. Чехова «Скучная история»): учеб. пособие. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2003. 123 с.
6. Гладиллина И. В., Усовик Е. Г. Языковая репрезентация концепта *религиозность* в произведениях русской литературы XIX–XXI вв. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 6. С. 82–88.
7. Долинина И. В. Языковая репрезентация художественного концепта «христианство» в романе-хронике Н. С. Лескова «Соборяне» // Вестник Центра междунар. образования Моск. гос. ун-та. 2011. № 4. Литературоведение. Анализ художественного текста. С. 76–81.
8. Звездин Д. А. Православная проповедь как жанр церковно-религиозного стиля современного русского литературного языка (на примере текстов второй половины XX века): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Д. А. Звездин; Челябинской гос. пед. ун-т. Челябинск, 2012. 195 с.
9. Лесков Н. С. Соборяне // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 4. М.: Худож. лит., 1957. С. 5–319.
10. Майдурова Ю. А. Мотив «внутреннего зрения» в романе «Соборяне» Н. С. Лескова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 11-2 (41). С. 109–110.
11. Православная энциклопедия: в 30 т. Т. 12. М.: Православная энциклопедия, 2006. 751 с.

**“THE CATHEDRAL CLERGY” BY N. S. LESKOV:
COMMUNICATIVE REACTIONS TO THE SERMON
AS AN INDICATION OF THE SOCIETY’S SPIRITUAL CRISIS**

Yu. V. Belousova

Tver State University
the Department of Russian Language

An examination of the system of congregation reactions to the sermon by Savely Tuberosov – the main character of the novel by N. S. Leskov – allows to identify differences in the secular and religious moral.

Keywords: *sermon, N. S. Leskov, novel “The Cathedral Clergy”, subjective scale, reaction, linguistic opposition, formality, spiritual crisis.*

Об авторе:

БЕЛОУСОВА Юлия Вадимовна – аспирант кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: ju.khvatckova@yandex.ru.

About the author:

BELOUSOVA Yuliya Vadimovna – Postgraduate of the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: ju.khvatckova@yandex.ru.